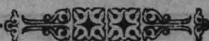

ТАВРИЧЕСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ

Подписка
принимается
въ редакціи
Епарх. Вѣд.
въ Таврич.
Духовн. Кон-
систеріи.

Выходятъ четыре раза въ мѣсяцъ.

№ 34.

25 Августа 1895 г.

Цѣна
за годовое
изданіе съ
пересылкою
и безъ
пересылки
5 рублей.

ОТДѢЛЪ ОФИЦІАЛЬНЫЙ.

I.

Епархiальныя извѣстія.

Учитель Болградской церковно-приходской школы Павелъ *Парнассовъ* опредѣленъ на должность псаломщика къ Архангело-Михайловской церкви с. Каланчака, Днѣпр. у. Перемѣщенный изъ Воронежской епархіи діаконъ Евгенийъ *Лебедевъ* рукоположенъ во священника къ церкви Ялтинской общины сестеръ Милосердія Краснаго Креста.

Священникъ Василій *Маевскій* утвержденъ въ должности законоучителя въ народномъ училищѣ сел. Британи, Днѣпр. у.

Утверждены въ должности церковнаго старосты. Къ Николаевской церкви с. Николаевки, Берд. у., Николай Петровъ *Ювовъ*.

Къ Архангело-Михайловской церкви с. Владиславки, Феодос. уѣзда, Василій *Даміановъ Ачкасовъ*.

ОТДѢЛЪ НЕОФИЦІАЛЬНЫЙ ТАВРИЧЕСКИХЪ ЕПАРХІАЛЬНЫХЪ ВѢДОМОСТЕЙ.

№ 34

25 Авг. 1895 года.

№ 34

I.

Закладка новаго храма въ Бахчисарайскомъ Успенскомъ скиту во имя перваго Святителя Иркутскаго Иннокентія и въ память въ Бозѣ почившаго Архіепископа Херсонскаго и Таврическаго Иннокентія.

1-го Декабря 1894 г. Его Преосвященство, Преосвященнѣйшій Мартиніанъ, Епископъ Таврической и Симферопольской, изволилъ дать духовной консисторіи предложеніе, между прочимъ, слѣдующаго содержанія:

А) Изъ описанія Таврической епархіи и изъ поученій почившаго въ Бозѣ Преосвященнѣйшаго Иннокентія, Архіепископа Таврическаго и Херсонскаго видно, что главная дѣятельность этого приснопамятнаго Архипастыря во время его управленія Таврическою епархіею была сосредоточена въ постройкѣ новыхъ приходскихъ храмовъ Божіихъ, и въ открытіи новыхъ обителей иноческихъ преимущественно въ тѣхъ мѣстахъ, которые какъ въ древнія времена христіанства такъ и при просвѣщеніи Россіи православною вѣрою были ознаменованы особеннымъ дѣйствіемъ благодати Божіей. Почти всѣ обители Таврическія за исключеніемъ Балаклавской—Георгіевской и Корсунской-Богородичной состоявшія подъ непосредственнымъ управленіемъ этого святителя были основаны по его мысли и распоряженію, а нѣкоторыя изъ нихъ даже и облагодѣтельствованы денежными вкладами по духовному завѣщанію. Между тѣмъ Тав-

рическая епархія доселѣ ничѣмъ не ознаменовала своей благоговѣйной памяти къ сему великому іерарху Россійской церкви и знаменитому церковному Вити. Чтобы увѣковѣчить достойную благодарность сему іерарху за его милости и любвеобильное попеченіе о сооруженіи храмовъ Божіихъ въ Тавридѣ и въ особенности объ устройствѣ монастырей, я вмѣняю себѣ въ священный долгъ устроить въ Успенскомъ Бахчисарайскомъ скитѣ не очень обширный теплый храмъ во имя перваго Иркутскаго святителя Иннокентія, къ которому Херсонскій и Таврическій Архіепископъ Иннокентій какъ сотоварищенному покровителю своему питалъ особенное благоговѣніе. Мѣстомъ для сооруженія этого храма избранъ мною Бахчисарайскій Успенскій скитъ особенно потому, что онъ, при посѣщеніи Тавриды всегда имѣлъ продолжительное здѣсь пребываніе, и отсюда онъ любилъ удаляться на высочайшую гору „Чатырдагъ“ для духовныхъ созерцаній. Для приведенія въ исполненіе этого моего предположенія построить новый храмъ въ Бахчисарайскомъ скиту, предлагаю Таврической духовной консисторіи предписать о. Благодѣльному монастырею игумену Исидору образовать строительный комитетъ подъ предѣлательствомъ сего Игумена изъ лицъ по его усмотрѣнію искренно сочувствующихъ сему добродѣлю.

Б) Строительный комитетъ въ семъ 1895 г. озаботился изготовленіемъ проекта новой церкви, который въ русско-византійскомъ стилѣ (XVII в.) составленъ епархіальнымъ архитекторомъ К. С. Дорошенко, а также изготовленіемъ строительнаго матеріала и просилъ Его Пресвященство назначить время для закладки новаго храма. Имѣя въ виду, по обычаю прежнихъ лѣтъ, посѣтить Бахчисарайскій Успенскій скитъ и совершить тамъ торжественное Богослуженіе въ день храмоваго праздника Успенія Пресвятыя Богородицы, Пресвященнѣйшій Владыка изволилъ назначить время закладки храма на другой день праздника

16 числа сего Августа. Въ этотъ день совершивъ Божественную литургію въ Константино-Еленинской церкви Успенскаго скита, Его Преосвященство, съ соборомъ священнослужителей, крестнымъ ходомъ изъ церкви изволилъ прибыть на приготовленное для построения церкви мѣсто, гдѣ по чиноположенію церковному было отправлено богослуженіе и положено основаніе новаго храма во имя святителя Иннокентія Иркутскаго и въ память Преосвященнаго Иннокентія, Архіепископа Херсонскаго и Таврическаго.

По окончаніи Богослуженія Его Преосвященство, священнослужители и почетные гости присутствовавшіе при закладкѣ храма были приглашены на чай и трапезу въ помещеніе настоятеля скита, Игумена о. Исидора.

Р Ѣ Ч Ъ

при закладкѣ, въ Бахчисарайскомъ скиту, св. храма во имя святителя и чудотворца Иннокентія Иркутскаго и въ память Иннокентія Архіепископа Херсонскаго и Таврическаго. Произнесена въ день закладки 16 августа 1895 г.
д. с. с. Ив. Палимпсестовымъ.

Долгомъ для себя считаю сказать нѣсколько словъ при настоящемъ торжествѣ во имя истинно—святаго дѣла. Но что реку и что возглаголю? Первое мое слово—это выраженіе самой глубокой благодарности Вашему Преосвященству, достойно и праведно—чтимый Архипастырь и Отецъ,—благодарности, смѣло сказать, отъ всего истинно русскаго православнаго народа за начатое Вами дѣло сооруженія святаго храма въ намять приснопамятнаго святителя Русской земли, въ Бозѣ почившаго Иннокентія, Архіепископа Херсонскаго и Таврическаго. Что этотъ Архипастырь и достойнѣйшій сынъ земли русской имѣетъ полное право назваться приснопамятнымъ, приведу свидѣтельства лицъ, которымъ мы не можемъ не вѣрить.

Вотъ что оставилъ намъ именитый нашъ ученый мужъ и историкъ М. П. Погодинъ въ своей надгробной рѣчи надъ незабвеннымъ для православной церкви и русскаго народа Иннокентіемъ. „Господи! *) (такъ начинается онъ свою рѣчь) Да за что-же прогнѣвался Ты на насъ такъ жестоко? Чѣмъ согрѣшили мы предъ Тобою паче всякой мѣры? Скоро-ли перестанешь Ты казнить насъ, и такъ уже ходящихъ въ сѣни смертій!

Мая 26-го, въ пятомъ часу утра, скончался въ Одессѣ, послѣ кратковременной болѣзни, на 57 году отъ роду, Высокопреосвященный Иннокентій.

Но что-же? это архіерей, богословъ, витія... Нѣтъ, это не только архіерей, богословъ, витія, это великій гражданинъ Русскій, котораго душа отзывалась на всѣ вопіющіе вопросы Отечества, котора о сердце болѣло всѣми его ранами, котораго умъ занятъ былъ постоянно мыслями объ ихъ исцѣленіи, который готовъ былъ всегда жертвовать ему своею жизнію.

Нѣтъ, это не только архіерей, богословъ, витія— это другъ челоѣчества, который горячо желалъ ему вездѣ законнаго преуспѣянія, въ духѣ Христовой вѣры....

Нѣтъ, это не только архіерей, богословъ, витія— это братъ, пылавшій любовію къ меньшей братіи, принимавшій живое участіе въ ея скорбной долѣ, призывавшій всѣмъ существомъ своимъ ея возрожденіе, провидѣвшій въ ней, съ радостнымъ біеніемъ сердца, зарю новыхъ, славныхъ судьбъ.

Иннокентій былъ государственный челоѣкъ, стоявшій съ вѣкомъ наравнѣ, для котораго въ области познаній не было ничего незнакомаго, которому геологія была также близка, какъ гомилетика, и анатомія, военное искусство, политическая экономія, извѣстны наравнѣ съ патристикою.

*) Вѣнокъ на могилу высокопреосв. Иннокентія, изд. М. Погодина. 1867. Москва.

Иннокентій дѣлалъ столько-же, сколько говорилъ: при первомъ извѣстіи о вражескомъ нападении на Крымъ, онъ полетѣлъ туда, черезъ все опасности, благословить прусское войско на святыет) подвиги и одушевить о вѣроу, столько еще въ немъ сильною и многимъ неизвѣстною. (Иннокентій, въ Одессѣ, обсыпавый бомбами и ядрами, совершалъ безтрепетно и бо послуженіе страстной субботы, около соборнаго храма подь выстрѣлами непріятельскаго флота, и удержалъ съ собою цѣлый народъ на священной стражѣ. Это Именитый ученый мужъ такъ оканчиваетъ свою рѣчь, исполненную истины и правды и глубокой скорби о преждевременной кончинѣ пріснопамятнаго Иннокентія: „Прости нашъ незабвенный Иннокентій! Да останутся эти бѣдныя, стѣсненныя строки, на одрѣ тяжелой болѣзни, изъ глубины сердца слезами съ кровію написанныя, свидѣтельствомъ, хоть предъ немногими внимательными, моего искренняго въ тебѣ уваженія и горячей любви“.

Приведу свидѣтельство о незабвенномъ Иннокентіи—этомъ дѣйствительно дивномъ свѣтильникѣ—другаго именитаго ученатаго мужа, богослова, историка и витія, митрополита Макарія, члена Императорской Академіи наукъ.

Такъ онъ начинаетъ свою рѣчь: „Не стало одного изъ великихъ людей нашей эпохи, одного изъ достойнѣйшихъ сыновъ Россіи, изъ доблестныхъ іерарховъ церкви, изъ знаменитыхъ членовъ нашей Академіи (Имп. Академіи наукъ): не стало Иннокентія, Архіепископа Херсонскаго и Таврическаго. Далѣе въ этой рѣчи мы читаемъ слѣдующія строки: „Это былъ человекъ, въ собственномъ смыслѣ, гениальный: высокій, свѣтлый, проніцательный умъ, всегда богатое, неистощимое воображеніе, живая и обширнѣйшая память, легкая и быстрая сообразительность, тонкій и правильный вкусъ, даръ творчества, изобрѣтательности и оригинальности, совершеннѣйшій даръ слова—все это, въ чудной гармоніи, совмѣщено было въ покойномъ Іерархѣ.

При такихъ необыкновенныхъ талантахъ онъ имѣлъ и необыкновенное образованіе: не однѣ духовныя науки, которыя извѣстны были ему въ совершенствѣ, онъ зналъ; болѣе или менѣе, весьма многія свѣтскія науки, такъ что могъ разсуждать объ нихъ съ специалистами, и не рѣдко своими мѣткими, оригинальными вопросами и отвѣтами поражалъ знатнаковъ дѣла. Это былъ образцовый профессоръ: своими вдохновенными импровизациями онъ пробуждалъ, увлекалъ, восторгалъ умы слушателей. „Какъ писатель русскій, Пресвященный Иннокентій, по справедливости долженъ занять одно изъ первыхъ мѣстъ въ исторіи русской литературы; а какъ проповѣдникъ онъ займетъ одно изъ первыхъ мѣстъ между духовными витіями, не только нашего времени и отечества, но и всѣхъ временъ и народовъ: имя Иннокентія останется безсмертнымъ“.

Приведу еще нѣсколько строкъ изъ рѣчи Высокопреосвященнаго Макарія, очерчивающихъ свѣтлую личность Иннокентія, какъ архипастыря и доблестнѣйшаго сына Русской земли. Эти строки имѣютъ сходство съ вышеприведенными строками М. П. Погодина; а потому и имѣютъ особую цѣнность. Чѣмъ больше свидѣтельство, тѣмъ болѣе уясняются и крѣпнута истина и правда. „Кто не знаетъ, ставить вопросъ высокопреосвященный Макарій, какъ достойно умѣлъ проявить себя незабвенный Архипастырь Иннокентій въ грозную, кровавую эпоху Крымской войны? Его геройское, истинно христіанское мужество и присутствіе духа во время облежанія и бомбардированія Одессы неприятельскимъ флотомъ, его торжественныя службы и вдохновенныя рѣчи къ жителямъ Одессы въ эти страшные дни; его рѣчи и напутственныя молебствія воинамъ, отправлявшимся въ Севастополь, сестрамъ Крестовоздвиженской общины, рѣчи при освященіи баттарей и во многихъ другихъ подобныхъ случаяхъ, его путешествія въ Крымъ, гдѣ старался онъ словомъ вѣры и упованія успокоивать и

подкрѣплять злощастныхъ обитателей страны; его свя-щенно-служенія и рѣчи въ самомъ Севастополѣ среди громовъ войны:— все это озарило имя Иннокентія новою, блистательною славою,— славою высокаго патріота и великаго пастыря церкви, исполненнаго самоотверженія и любви, готоваго положить за свою паству, или вмѣстѣ съ нею, собственную душу“.

Перехожу къ третьей личности, очерчивающей образъ дивнаго во святителяхъ Иннокентія,— личности, пріобрѣтшей славное имя въ нашемъ ученѣмъ мірѣ: личность эта академикъ Н. И. Давыдовъ. Вотъ нѣсколько строкъ изъ произнесенной имъ рѣчи въ Императорской Академіи наукъ.

„И церковь, и Академія понесли въ этомъ Архипастырѣ утрату на долго не вознаградимую. Свѣтлый умъ, обширная память, творческое воображеніе, всесторонняя ученость, увѣгательное краснорѣчіе, величественный и благолѣпный видъ— всё лучшіе дары неба соединялись въ нашемъ Архипастырѣ. Близкій къ покойному подчиненный *) такъ описываетъ владыку: часто однимъ взоромъ и мановеніемъ внушалъ онъ подчиненнымъ непрекословное повиновеніе, содержалъ ихъ въ порядкѣ и вѣрности долгу. Строгость и благодать мудро сорастворялись. Обыкновенно исправлялъ и вразумлялъ онъ виновныхъ, болѣе устрашая, нежели наказывая. Будучи самъ великъ и требуя не малаго отъ подчиненныхъ, онъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ весьма снисходителенъ. Въ немъ совмѣщены были всё силы и способности души въ превосходной степени. Это былъ какъ бы нѣкій зиждительный духъ, оживлявшій собою всёхъ, ободрявшій унылое, возвышавшій низменное, наполнявшій собою весьма многое и удаленіемъ своимъ всегда и вездѣ производившій ощущеніе пустоты“.

*) Архимандритъ Серафимъ, ректоръ Херсон. семинаріи, въ послѣдствіи Архіепископъ Воронежскій.

ворить почтенный академикъ Н. И. Давыдовъ, *) вліаніе благодушнаго начальника на юныхъ дѣятелей вертограда Господня. Съ рѣдкимъ благородствомъ, съ живымъ и теплымъ сочувствіемъ ободрялъ онъ, и направлялъ ихъ на истинный путь къ благу церкви и къ славѣ Божіей. (Сколько заботъ и попеченій его испытали старые и бѣдные, оставленные на произволь судьбы. **) Сочиненія Иннокентія читаются во всѣхъ концахъ Россіи, и ихъ нельзя довольно начитать. Проповѣдуя о высокихъ истинахъ вѣры, онъ кажется вдохновеннымъ, возноситъ душу и вмѣстѣ научаетъ съ совершенною ясностію, потому что высокія истины христіанскія находили въ его сердцѣ живое сочувствіе. Драгоценно для церкви наслѣдіе, имъ оставленное — каноны и акаѣсты: Пресвятой Троицѣ, Божественнымъ Страстямъ, Живоносному Гробу и Воскресенію Христову, Покрову Пресвятыя Богородицы, Архангелу Михаилу.

„Въ заключеніе бесѣды нашей говорить г. Давыдовъ, *о пастырской и ученой дѣятельности* покойнаго Академика обратимся съ его-же словами (***) къ Господу и Владыкѣ жизни и судебъ человѣческихъ, и изліемъ чувства живѣйшей благодарности не только за дарованіе ему столь многихъ и прекрасныхъ талантовъ, но и за то, что, при помощи всемогущей благодати, эти таланты не остались погребенными въ землѣ, а явились во всей силѣ и блескѣ, и употреблены на пользу общую. Вся слава земная остается на землѣ, а въ вѣчность идутъ за человѣкомъ одни дѣла его, по которымъ онъ или осудится, или будетъ помилованъ Судією живыхъ и мертвыхъ. Созерцая теперь жизн-

*) Эти слова взяты имъ изъ Христ. Чт. 1858 г. авг.

**) Щедръ былъ владыка Иннокентій! Такъ напр.: одному осиротѣвшему семейству онъ помогъ 10,000 р. въ уплату лежавшаго на немъ долгу. Н. П.

***) Слово при погребеніи свѣтл. вн. М. С. Воронцова, 10 ноябр. 1856 г.

отшедшаго отъ насъ Сочлена нашего, мы можемъ утѣшиться надеждою, что онъ, по земномъ странствіи, *внидетъ въ радость Господа*, когда настанетъ день всеобщаго обновленія, когда сѣемое въ тлѣніе возстаетъ въ нетлѣніи, и изъ посяннаго тѣла душевнаго возникаетъ тѣло духовное, неразрушимое, безболѣзненное, свѣтоносное“.

Такими словами оканчиваетъ свою рѣчь академикъ Давыдовъ, и мы не можемъ не признать, что эти слова могли излиться только изъ души, высоко цѣнившей и г.убокочитившей свитителя Иннокентія. Я могъ-бы привести и другихъ свидѣтелей, которые также смотрѣли на дивнаго во святителяхъ, какъ смотрѣли именитые наши ученые мужи, Погодинъ, Макарій и Давыдовъ; но довольно и такихъ выдающихся по своей учености, по высотѣ, широтѣ и глубинѣ своихъ взглядовъ на данные предметы, каковы мною приведенные. Однако, хотя и по слову Небесной Истины, при двухъ или трехъ свидѣтеляхъ станетъ всякъ глаголъ (Матѳ. XVШ. 16), я не могу не возстановить въ памяти словъ одного изъ просвѣщенныхъ государственныхъ мужей, графа А. Г. Строгонова. Вотъ опущены въ могилу драгоценныя останки Иннокентія; графъ беретъ горсть земли, бросаетъ ее на гробъ и, съ мрачнымъ челомъ, обратившись къ предстоящимъ, говоритъ: „съ нимъ для меня весь міръ былъ-бы и въ Усть-Сысольскѣ“. *)

*) Графъ А. Г. Строгановъ въ это время былъ Новороссійскимъ и Бессарабскимъ генераль-губернаторомъ. Изъ приведенныхъ мною словъ нельзя не убѣдиться, какъ высоко цѣнилъ онъ Иннокентія. Но также высоко цѣнилъ его и Иннокентій. По одному случаю онъ однажды сказалъ мнѣ: „этотъ государственный мужъ — алмазъ первой величины, — алмазъ, поймите, но не бриліантъ“. Здѣсь былъ намекъ на нѣкоторую шероховатость графа, которую онъ нерѣдко обнаруживалъ при неисчерпаемой добротѣ своего сердца. Приведенныя слова цѣнителей другъ друга были мною напечатаны въ моихъ воспоминаніяхъ, съ согласія графа.

Смѣю сказать, что въ моихъ воспоминаіяхъ о приснопамятномъ Иннокентіи найдется не мало свидѣтельствъ на его свѣтлый и глубокій умъ и на его исполненное Евангельской доброты сердце. Но пора привести къ концу рѣчь мою, хотя я увѣренъ, что она всѣхъ васъ приводитъ въ благоговѣніе предъ дивнымъ во святителяхъ православной нашей церкви. Однако позволю себѣ во главу окончанія моей рѣчи повторить и нѣсколько освѣтить слова историка Погодина: „что же? это архіерей, богословъ, витія.... Нѣтъ, это не только архіерей, богословъ, витія,—это великій гражданинъ Русскій“. На этотъ вопросъ я позволю себѣ отвѣтить: первѣе всего—это архіерей, во истину стоявшій на самой возвышенной высотѣ своего священнаго призванія. Безпристрастная исторія уяснить и подтвердить эти слова. Но я укажу на архипастырскія дѣла Иннокентія для всѣхъ очевидныя,—дѣла, такъ сказать, предъ нашими глазами. Выписываю нѣсколько строкъ изъ моихъ воспоминаій: объ архіепископѣ Иннокентіи.

„Архипастырь Иннокентій зналъ, что Крымъ есть самая древняя святыня Россіи, которую она должна возстановить для Русскаго народа. Здѣсь были стопы первоизбраннаго апостола Андрея; здѣсь пролилась за Христа и освятила будущую христіанскую Россію первая для нея мученическая кровь Климента,—ученика апостола Петра и кровь другихъ мучениковъ изъ первыхъ вѣковъ христіанства; здѣсь проповѣдывали слово Евангелія наши словенскіе апостолы Кириллъ и Меѳодій; здѣсь купель нашего Равноапостольнаго князя Владиміра,—та купель, изъ которой излился благодатный и истинно благотворный свѣтъ на всю русскую землю. Довольно этого одного, чтобы понять, что заставило Иннокентія приняться съ такимъ жаромъ за возстановленіе святынь Крыма и на вступленіе его на тотъ путь, по которому шла Русская земля во всѣ концы,—путь православія“.

Но вотъ вопросъ: до вступленія Иннокентія на Херсон-Таврическую кафедру прошло безъ малого три четверти вѣка; почему-же какъ будто не знали, что Крымъ есть самая древняя и драгоцѣнная святыня Россіи и почему съ жаромъ не приступали къ возстановленію святынь его? На этотъ вопросъ одинъ отвѣтъ: Иннокентій былъ архіерей въ собственномъ смыслѣ этого слова.

Но здѣсь, въ возстановленіи крымскихъ святынь, отразилось и то, что Иннокентій дѣйствительно былъ великій гражданинъ земли Русской. Исторія неопровержимыми фактами свидѣтельствуетъ, что св. обители русскаго царства имѣли самое высокое и самое сильное значеніе въ нашей народно-государственной жизни. Онѣ были несокрушимою силою и самыми мощными проводниками Евангельскаго свѣта, святой православной вѣры съ ея священными завѣтами въ мрачную среду не только русскаго народа, но и въ инородныя племена, населявшія русскую землю; и эти племена, благодаря вѣрѣ и языку этихъ обителей, сливались съ русскою кровью, дѣлались истинно русскими людьми. Такъ смотрѣлъ на эти явленія нашей многовѣковой исторіи и дивный во святителяхъ, великій гражданинъ русскій Иннокентій. Но свѣтлый взоръ его смотрѣлъ на эти явленія еще глубже при взглядѣ на Крымъ и вообще на южную окраину земли русскаго, такъ богатой инородцами. Я не разъ слышалъ отъ этого истинно великаго гражданина Русской земли, — слышалъ за два—за три года до Крымской войны, что Крымъ и даже весь югъ Россіи есть самая уязвимая окраина Русскаго царства (что и оправдалось въ Крымскую войну и Богъ вѣсть — можетъ повториться) и что эту уязвимую окраину можетъ охранять только одна доблестная, вѣрами сложившаяся и окрѣпшая русская грудь, одушевляемая животворною православною вѣрою и безграничною преданностію царю и отечеству. Изъ этого неоспоримо вѣрнаго взгляда приснопамятнаго Инноцен-

тія на Крымъ и вообще на южную окраину Россіи нельзя не видѣть: почему для него такъ дорого было восстановленіе крымскихъ святынь: онъ хотѣлъ создать здѣсь, на уязвимой окраинѣ, православную Русь, вѣрную священнымъ завѣтамъ своей исторіи, слить инородственные племена, заселявшія эту окраину, въ одну родственную съ русскимъ народомъ семью, чего не могутъ не желать здравый умъ и честное сердце каждаго истинно-русскаго человѣка.

Желающіе ближе ознакомиться съ свѣтлымъ и широкимъ взглядомъ Иннокентія на нашу южную окраину, гдѣ такъ много инородцевъ, не сроднившихся съ русскимъ народомъ и царствомъ, могутъ воспользоваться моими воспоминаніями объ этомъ святителѣ—гражданинѣ, гдѣ, между прочимъ помѣщено его письмо къ покойному В. К. Константину Николаевичу. Изъ одного этого письма нельзя не убѣдиться, что историкъ Погодинъ былъ совершенно правъ назвавши Иннокентія великимъ русскимъ гражданиномъ.

Простите великодушно за мою не краткую, хотя и близкую вашему сердцу, рѣчь. Можетъ быть, я увлекся; но можно-ли неувлечься, имѣя предъ собою дивный по своему величію и красотѣ образъ Иннокентія,—особливо мнѣ, котораго онъ духовно возродилъ и направилъ на путь труда? —И вотъ я снова подъ вліяніемъ увлеченія этимъ образомъ. Я припоминаю наше восхищеніе на Палать гору, Чатырдагъ. Это было въ первой половинѣ сентября 1851 г. Изъ Алушты рано утромъ мы отправились верхами къ цѣлебному источнику св. Козьмы и Даміана,—мы: Иннокентій, алуштинскій священникъ, староста Симферопольскаго кафедр. собора Н. П. Синютинъ, послушникъ Иннокентія, и известный паломникъ слѣпецъ Григорій (который данъ былъ Иннокентіемъ на мое попеченіе); впереди насъ ѣхалъ проводникъ татаринъ. Надъ цѣлебнымъ источникомъ былъ отслуженъ молебенъ, при которомъ Иннокентій и я исполняли должность псаломщика. Послѣ молебна совершилось

буквально возлежаніе за трапезой (не было въ то время тамъ ни какой нибудь скамьи и стола), и потомъ пустились на Палатъ гору, прямымъ, какъ желалось владыкѣ, путемъ къ ней отъ цѣлебнаго источника. Но это были особія цѣли. Какъ мы совершали и совершили этотъ путь, — выписываю нѣсколько строковъ изъ моихъ воспоминаній.

„Признаюсь, (писалъ я) мнѣ и теперь какъ-то неловко становится, когда представляю себѣ этотъ путь. На какія крутизны поднимались мы, въ какіе овраги спускались, съвозъ какія лѣсные чащи лѣзли, чрезъ какіе камни или утесы прыгали! И я невольно дивился бодрости владыки; по временамъ онъ шутилъ, при спускѣ въ какой нибудь оврагъ ободрялъ, а мнѣ то и дѣло наказывалъ — смотрѣть за Григоріемъ. По собраннымъ справкамъ оказалось, что мы проѣхали до 30 верстъ, пока достигли вершины горы, но еще не самага теменя“. „Почти въ глухую полночь, и при томъ среди нависшихъ облаговъ, верхами мы взбирались на Чатырдагъ; не много оставалось до самой маковки горы; но я положительно отказался карабкаться выше (мы съ ранняго утра были верхами), хотя подо мной была опытная татарская лошадка, и я сказалъ: я не Христось, и ангелы не возьмутъ меня на крылья свои, когда я буду летѣть въ пропасть. Ну можно ли было сказать подобную глупость, вызвавшую одну кроткую улыбку владыки? Такъ онъ былъ добръ! Я и другіе спутники остались; но Иннокентій одинъ, бодро сидя верхомъ, взобрался на вершину, простоявши тамъ добрыхъ минутъ пятнадцать, спустился и, обратившись ко мнѣ, сказалъ: вы, ученые люди, не знаете, какъ сладко молиться въ полночь на вершинѣ горы. Живо рисуется въ моемъ воображеніи картина, которую я видѣлъ назадъ тому около 30 лѣтъ *); но теперь она представляется мнѣ болѣе величественною, и понятнѣе говоритъ моему сердцу: рѣзкія черты изгладились, оста-

*) Мои воспоминанія были написаны въ 1880 г.

лись одни мягкіе, теплые тоны. Искрятся мириады звѣздъ надъ вершиною Чатырдага, гдѣ одинъ, около усталой лошади, стоитъ молящійся Иннокентій; внизу мы видимъ клубящіяся облака; тишина невозмутимая, и въ ней какъ будто особенно чутко прислушивается слѣпецъ Григорій. О какъ бы я желалъ проникнуть въ твою христіанскую, высокую, воспламеняющуюся душу, мой незабвенный Иннокентій, въ эти минуты твоей молитвы!

Но что за побужденіе было у нашего духовнаго орла взлетѣть на ту высоту, гдѣ обитаютъ могучіе Крымскіе орлы? — Я желаю отъ всей души, говаривалъ мнѣ Иннокентій, создать св. обитель при цѣлебномъ источникѣ Козмы и Даміана; но желалъ бы видѣть на Палатѣ — горѣ русскій Аѳонъ. Господь нашъ Иисусъ Христосъ нерѣдко восходилъ на горы для молитвы предъ своимъ небеснымъ Отцомъ. Не поучительный ли то примѣръ для насъ, вѣрующихъ въ него? О какъ бы я желалъ на закатѣ дней моихъ поселиться на этомъ русскомъ Аѳонѣ *) и молиться предъ Творцомъ вселенной, подъ лазурнымъ сводомъ, усѣянномъ мириадами звѣздъ! Палатъ-гора видна съ далекихъ и широкихъ пространствъ суши и моря, и возвышающійся надъ нею грестъ Христовъ могъ бы служить укрѣпленіемъ вѣры, надеждою, успокоеніемъ для неисчислимаго множества трудящихся и обремененныхъ, плавающихъ и путешествующихъ, для болящихъ и страждущихъ.

Вотъ священный завѣтъ, оставленный намъ, православнымъ сынамъ Русской земли, нашимъ приснопамятнымъ святителемъ Иннокентіемъ. Можетъ быть, онъ и осуществится. Благодареніе Богу! Могучее и богатое Русское царство богато создателями храмовъ Божіихъ. Явленіе одно изъ

*) Какъ любилъ Иннокентій Палатъ гору — видно, между прочимъ, и изъ того, что онъ на своей дачѣ, въ Одессѣ, сдѣлалъ насыпь, изображающую эту гору. И. П.

отраднѣйшихъ для истинно русскаго сердца: мы видимъ, какъ множатся и множатся въ широкомъ русскомъ царствѣ церкви нашей св. православной Вѣры, и Русская земля стала напоминать этими земными звѣздами сводъ небесный, усеянный звѣздами горняго міра! Воистину наши св. церкви—это земныя звѣзды, освѣщающія намъ путь въ горній міръ, въ обители Отца небеснаго. Но вромъ того, онѣ суть первоосновы русской народно-государственной жизни, самая могучая и не сокрушимая сила этой жизни! При этой силѣ Русское царство не сокруσιμο ни отъ вѣшнихъ, ни отъ внутреннихъ враговъ и достигнетъ своего міроваго значенія для всего человѣчества. Но угаснуть его земныя звѣзды—угаснетъ и оно.—Но да не сокрушается наше сердце, вѣрующее въ Бога. Богъ любитъ русское царство а Онъ всемогущъ; правда, иной разъ наказуетъ его, но наказуетъ Отецъ любяй сына.

Объявленіе.

Правленіе эмеритальной кассы симъ извѣщаетъ гг. членовъ кассы Таврическаго духовенства, что общее собраніе оныхъ членовъ назначается на **28** число августа 1895 года, и имѣетъ состояться въ зданіи Таврической духовной семинаріи, съ 9-ти часовъ дня.

СОДЕРЖАНІЕ.

Отдѣль officialный: I. Епархіальная извѣстія.

Отдѣль неофициальный. 1) Закладка новаго храма въ Бахчисарайскомъ Успенскомъ свѣту. 2) Объявленіе.

Дозволено Цензурою. Симферополь, 24 Августа 1895 года.
Цензоръ Священникъ *Іоаннъ Тяжеловъ.*

Редакторъ, Секретарь Консисторіи *А. Гроздовъ.*